

Александр Степанович Грин

Сокровище африканских гор

Аннотация

«Гордон Беннет, энергичный американец, был собственник американской газеты „Нью-йоркский глашатай“.

Через два дня Стэнли сел в экстренный поезд, прибывший в Париж ночью следующего дня. Прямо с вокзала он отправился в „Гранд-Отель“ и постучал в дверь комнаты Гордона Беннета.

Открылась и вновь закрылась эта ничем не замечательная дверь, но за нею в тишине уснувшего города произошел замечательный разговор двух американцев, по быстроте, сжатости и решительности напоминавший фортепианную трель в нижнем регистре...»

Содержание

I. Стэнли отправляется в глубь Африки	4
II. Стэнли и Гент	6
III. Лихорадка	9
IV. Охотники на слонов	13
V. Гора сокровищ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Степанович Грин

Сокровище африканских гор

I. Стэнли отправляется в глубь Африки

16 октября 1869 года в Мадриде жильцу гостиницы «Валенсия», американскому гражданину, эсквайру, мистеру Генри Стэнли, путешественнику, корреспонденту, была вручена телеграмма:

«Приезжайте в Париж по важному делу.

Гордон Беннет».

Гордон Беннет, энергичный американец, был собственник американской газеты «Нью-Йоркский глашатай».

Через два дня Стэнли сел в экстренный поезд, прибывший в Париж ночью следующего дня. Прямо с вокзала он отправился в «Гранд-Отель» и постучал в дверь комнаты Гордона Беннета.

Открылась и вновь закрылась эта ничем не замечательная дверь, но за нею в тишине уснувшего города произошел замечательный разговор двух американцев, по быстроте, сжатости и решительности напоминавший фортепианную трель в нижнем регистре.

Дело заключалось в том, что знаменитый путешественник, доктор Давид Ливингстон, уехавший в Центральную Африку в 1866 году, с 1869 года считался погибшим или же находившимся в безвыходном положении, требующим неотложной помощи.

С чрезвычайной простотой, отличающей представителей заатлантической нации, когда они решают дела, Беннет дал Стэнли поручение отыскать Ливингстона, не стесняясь издержками.

Стэнли удивился – если можно назвать удивлением некоторое сомнение в обдуманности затеи, – но, подавив это не свойственное ему чувство, выразил согласие, и тотчас они занялись практической стороной дела.

– Одна моя газета стоит больше всех капиталов Нью-Йорка, – сказал Беннет. – За расходами я не постою, но в газете должно быть все самое интересное.

И он подкрепил эту мысль рядом мелких поручений, высказанных тоном глубочайшего неуважения к размерам нашей планеты:

1) присутствовать при открытии Суэцкого канала; 2) подняться вверх по Нилу, собрав сведения о путешествии Самуила Беккера в Верхний Египет; 3) побывать в Иерусалиме; 4) завернуть в Константинополь для политической информации; 5) осмотреть в Крыму исторические поля битв; 6) прокатиться через Кавказ на Каспий; 7) через Персию – в Индию, а из Индии 8) отправиться разыскивать Ливингстона.

Вот скромная задача, какую на рассвете парижского утра, зевая от усталости и дымя драгоценной сигарой, Гордон Беннет предложил Генри Стэнли.

Свершив начертанный издателем круг дел, Стэнли 6 января 1871 года прибыл на остров Занзибар на палубе американского китобоя, организовал экспедицию и отправился разыскивать знаменитого путешественника.

Он составил в Занзибаре пять караванов.

Четыре были отправлены внутрь страны несколько раньше пятого, которым непосредственно руководил сам Стэнли, и с таким расчетом, чтобы они находились в расстоянии нескольких переходов друг от друга. Кроме оружия, охотничьих припасов, двух парусных ботов (на случай водного путешествия), палаток, седел, кухонной утвари и провизии, кара-

ваны эти, состоявшие из проводников туземного конвоя, носильщиков и вьючных животных, были нагружены товаром для обмена по дороге на провизию. Негры несли на голове продолговатые тюки с американским холстом, синим индийским полотном, кисеей, цветной бумазеей, бусами и медной проволокой, играющей у дикарей роль монеты.

6 февраля 1871 года экспедиция прибыла в Багамойо¹.

18-го – отправился первый караван с двадцатью четырьмя носильщиками и тремя солдатами.

21-го – второй, с двадцатью восемью носильщиками, двумя надсмотрщиками и двумя солдатами.

23-го – третий, здесь было двадцать два носильщика, десять ослов, белый человек Фаркугар – моряк, повар и три конвоира.

11 марта – четвертый, из пятидесяти пяти носильщиков, двух проводников и трех конвоиров.

21 марта, в пятом караване, с двенадцатью солдатами, выступил Стэнли, взяв с собой Шау – белого, тоже моряка, портного, повара, переводчика, семнадцать ослов, двух лошадей, подарок Занзибарского султана, и собаку.

Так началась эта экваториальная одиссея, одна из удачнейших в истории изучения Африки.

¹ Порт на восточном берегу Занзибарского пролива.

II. Стэнли и Гент

Караван медленно двигался среди дикой заросли колючих кустарников. Повозка, путаясь колесами в иглистых выюнках, часто приостанавливалась. Изнемогающие носильщики садились на свою ношу, обматывая тряпками израненные ноги. Там, где заросль становилась непроходимой, пускали в ход сталь американского топора.

Отборные проклятия оглашали пустыню. Всеобщее раздражение и усталость, вызванные этой частью пути, достигли крайнего напряжения. Но было все-таки необходимо пробиваться к недалекой полосе леса, где предполагался ночлег.

Носильщики ругали музунгу², ослов, друг друга; охали, хватаясь за животы, почти не обращая внимания на окрики главарей каравана. Солнце опускалось за лес. Туманный воздух, полный зловония от гниющих растений и тяжелого запаха от мокрых цветов, странные формы и краски которых вызывали у европейцев причудливые ощущения, был воздух тропической Африки. Наступал период дождей, страшная обильными болезнями мазика³. Весь день лил отвесный, отвратительный теплый дождь; к вечеру он затих, вздув болота и покрыв размытую почву скользкими лужами, отразившими далекие облака.

Непрерывные усилия привели измученный караван к опушке леса.

Здесь разбили палатки. Над кострами в больших котлах закипел ужин. Негры, собравшись к огням, толковали о приключениях дня, сплетничали и рассказывали наивные небылицы о стране белых людей, откуда пришел тот, кто нанял и повел их в сердце Черной Земли.

В палатке предводителя экспедиции горела свеча, сквозь мутно освещенное полотно проступали две тени: оригиналом одной из них был Бомбэй, капитан негров, солдат. У входа сидел черный босоногий воин, напевая монотонную песню и щелкая пальцами по курку карабина.

Специальный корреспондент американской газеты, мистер Генри Стэнли, помещался у походного столика. Перед ним стояла тарелка с остатками мяса, приправленного бобами на свином сале, кофейник и горячий кофе в стакане. Стэнли курил, занося в дневник подробности последнего перехода. Бомбэй сидел на распакованном тюке, скрестив ноги и чистя старые серебряные ножны.

Это был пожилой маленький араб с мускулистым нервным лицом, хитрыми губами и глазами, отличающимися той ложной тупостью, которая искусно маскирует характер.

— Галиб Джемаль⁴ делал лекарства, господин, — говорил Бомбэй тоном упрямого повторения. — Он набрал черепов вагензи⁵ и увез их. Из черепов он делал лекарства.

— Это глупость, — сказал Стэнли. — Ты мне мешаешь писать.

Бомбэй хитро улыбнулся, затем, помолчав, рискнул высказаться еще раз по тому же вопросу:

— Он стукнул по черепу, он ковырял в дырке...

— Бомбэй, — оборвал Стэнли, — завтра, если хочешь, я расскажу тебе о черепах Буртона⁶, но сегодня, прошу, помолчи. Сходи посмотреть, сыта ли моя лошадь, и дай Сарбоко порошок хины.

Бомбэй вышел. Некоторое время Стэнли писал, затем, положив перо, отхлебнул кофе и задумался. Множество путевых забот волновало его. В лесу слышался зловеющий плач гиен,

² Белого начальника.

³ Арабское название африканской зимы периода дождей.

⁴ Арабское имя путешественника Буртона.

⁵ Негров.

⁶ Собирая коллекцию черепов, Буртон прослыл колдуном.

шорохи ночных птиц и те неопределенные звуки, вздохи лесных дебрей, какие своим получеловеческим-полутаинственным характером вызывают сказочные образы детства.

Было свежо. Стэнли допил кофе и, быстро приписав в тетрадь несколько строк, закрыл ее; затем, набив трубку табаком, спрятал голову в облаках дыма.

У палатки раздались быстрые шаги карангози⁷. Он вошел, степенно поклонился и доложил, что неизвестный человек, пришедший из леса, хочет видеть музунгу. Незнакомец тоже белый. У него большая борода и хорошее ружье. Он сидит у костра.

– Позови его, – сказал Стэнли проводнику и, повернувшись ко входу, стал ждать.

За палаткой прозвучал неясный, короткий разговор, лицо проводника, на мгновение заглянув в палатку, скрылось, и, отведя рукой намокшее полотно, вошел человек высокого роста. Его движения выказывали проворство и силу: костюм составляли шапка из кожи красной антилопы, кожаная буйволовая куртка, сапоги и брюки из плотной белой материи. На поясе висел револьвер крупного калибра, а из-за плеча торчало прекрасное английское ружье. Сняв и поставив штуцер, неизвестный обнажил голову и поклонился свободным коротким движением.

Когда он подошел к свету свечи, Стэнли внимательно посмотрел на его лицо и, убедясь, что видит чистокровного европейца, поднялся со складного стула.

Стэнли встречал много людей, тем не менее лицо пришельца показалось ему далеко не заурядным. Длинная темная борода и усы почти скрывали суровый рот, но верхняя часть, душа лица, отличалась ясностью и точностью очертаний. Высокие ровные брови отчетливо сходились над переносьем; линия тонкого большого носа почти продолжала, в профиль, отвесную линию широкого, выражающего незаурядную душу лба, а мягкие темные глаза слегка щурились, что придавало пристальному взгляду неизвестного выразительную пытливость. Черные волосы падали спутанной гривой на воротник куртки.

– Меня зовут Гент, – просто сказал он. – Вы – мистер Стэнли! Добрый вечер!!!

Путешественник ответил приветствием и указал на стул. Оба сели. После краткого молчания Гент начал:

– Цель вашего путешествия – отыскать Ливингстона?

– Да, – сказал Стэнли. – Гордон Беннет, издатель «Нью-Йоркского глашатая», оказал мне честь скромным поручением относительно знаменитого путешественника. Я буду счастлив, если оправдаю доверие.

– У вас есть какой-нибудь план?

– Весьма неопределенный. Я направляюсь к Танганайке, где буду находиться в узле путей Ливингстона. Там мне придется его искать, расспрашивая население и торговцев. С 1866 года о нем не было никаких известий. Может быть, сделаю в тех местах большой круг, но отыщу его.

– Так, – кивнул Гент. – Но мне тоже необходимо видеть затерявшегося героя. Эти люди – герои, не так ли?

– Да, мистер Гент, это правда.

– Я прошу вас присоединить меня к своему каравану. Я хорошо изучил африканскую охоту, знаю местные условия, природу, климат, негров и могу быть вам несколько полезен, если позволите. Я неутомим и неприхотлив. Это не хвастовство, а просто словесный паспорт. Но ближе вы узнаете меня в путешествии. Что вы думаете об этом?

Стэнли положил перед Гентом трубку, табак и придвинул гостю стакан с кофе. Эти движения несколько смягчили натянутость, возникшую от предложения Гента. Стэнли был осторожен.

Наконец он заговорил:

⁷ Проводник.

– Корреспондент любопытен лишь в сфере специального интереса. Не любопытство, а исключительные обстоятельства моего положения дают мне право спросить вас кое о чем, мистер Гент. Сущность ваших ответов определит «за» или «против» вашего любезного предложения. Не скрою, что я нуждаюсь в верных, смелых и решительных спутниках. Все эти «бывшие спутники» Буртона и Спика, понабранные мною в Занзибаре, – порядочные жулики, а носильщиков я вынужден держать в повиновении крайней строгостью.

– Я предупрежу ваши законные вопросы подробным рассказом о себе, – ответил, закуривая Гент. – Подробным лишь в смысле точности, а не многословия.

– Да, прошу вас.

– Прекрасно. Прошу вас взглянуть на это. – Стэнли показалось, что в руке гостя вспыхнула вторая свеча. Гент протягивал ему кольцо четырехугольной формы, с круглым внутренним отверстием, сработанное из массивного золота в древневосточном вкусе. Оправа алмаза, весившего пятнадцать-двадцать каратов, была покрыта старинной резьбой. Сам алмаз был огранен неправильно, но в силу неизвестного оптического фокуса сверкал удивительно ярко: с его граней как бы сыпалась радужно сияющая пыль. Пока путешественник, безотчетно улыбаясь красоте камня, рассматривал кольцо, Гент сказал:

– Я предъявляю вам это как доказательство истинности рассказа о себе и своих намерениях. Ничто не лишнее в моем положении.

Он спрятал кольцо и вопросительно посмотрел на Стэнли.

– Говорите. Я расположен вам верить, – сказал Стэнли.

Тогда Гент начал свой рассказ. Это был полуторачасовой разговор вполголоса. Стэнли изредка задавал вопросы, неизменно получая ясный, точный ответ. Когда беседа окончилась, Гент, дымя трубкой, задумался, а лицо Стэнли светилось удивлением и симпатией.

Прошло несколько минут. Где-то заржал спутанный конь. Свеча догорала.

– Нас двадцать пять в караване, – сказал Стэнли, – вы будете двадцать шестой, Гент.

– Благодарю. Под непременно тем условием?

– Да. Согласно вашему желанию, я не упомяну о вас и вашем участии в путешествии никому – ни устно, ни письменно.

– Благодарю еще раз. Где я буду спать эту ночь?

– В палатке Шау. Завтра же вы будете снабжены отдельной палаткой. Следуйте за мной, мистер Гент!

Они вышли. В опустевшее помещение заглянул часовой «вагензи», согнулся, перебежал глазами с предмета на предмет и, зажав ружье между колен, быстро глотнул из кофейника несколько глотков сладкого кофе. Затем, выщипнув из табачной пачки добрую горсть, проворно вернулся на свое место и затянул прерванную песню о ядовитой, но роскошной земле, сыном которой был.

Желая узнать, что сообщил Гент Стэнли, мы должны вернуться назад к тому времени, когда путешественник Давид Ливингстон начинал свой многолетний африканский поход.

III. Лихорадка

В 1866 году по улице Занзибара шел или, вернее, с трудом двигался белый человек лет тридцати, временами опираясь рукой о стену и присаживаясь на камни. Сквозь загар его лица проступала болезненная бледность. Рваный костюм помешал бы заметить невнимательному глазу интеллигентность прохожего. Хоть полуденное солнце давало 60° Цельсия, однако прохожий трясся в пароксизме лихорадки. Силы, видимо, оставляли его. Опустившись на землю у наглухо закрытых ворот арабского дома, больной пробормотал проклятие и лег у стены, лениво наблюдая грызню тощих собак. Затем, пошарив в кармане, он вытащил горсть хлебных крошек, пуговицу и свинцовую plombу.

– Ни одного медяка, – пробормотал он. – Мне, правда, не до еды, но ведь так я подохну от истощения.

Мимо прошла толпа мусульманок, закутанных до глаз в полосатые покрывала, с медными кувшинами и узлами грязного белья за спиной. Промчался, зажав зубами монету, негр-итенок. Собаки, окончив драку, расселись и разлеглись, высунув языки. Из порта донесся гудок отплывающего в Индию парохода. Больной прикрыл глаза, и тотчас лихорадочные видения овладели им.

Он увидел кабриолет, бич кучера и массивную тень мраморного подъезда, пропускающего вышедшего из экипажа высокого человека в белом костюме.

– Прошлое лучше, когда оно – прошлое, – в полубреду произнес лежащий.

– Вот как! Почему это? – неожиданно спросил кто-то.

Больной вздрогнул и оглянулся.

Перед ним в простом, но первоклассной работы охотничьем костюме стоял пожилой человек. В его малопривлекательном большом лице, обросшем полуседой бородой, были черты львиные, подчиненные главенству черт человеческих. Во взгляде серых проницательных глаз было нечто останавливающее – казалось, толпа остановилась бы перед силою этого взгляда.

Больной, помедлив, сказал:

– Потому, сэр, что вам предоставляется переживать его или не переживать – это главное. Во-вторых, прошлое бестелесно, невещественно. – Он с усилием сел, обхватив руками прыгающие колени. – Вы можете выбирать из него, как из шкатулки, полной мусора и драгоценностей, не рискуя снова испытать усталость ходьбы, разговоров; болезнь, голод и т. д. не властны над вами в этих переживаниях. В нем забывается, сглаживается многое несущественное и тяжелое; было бы хорошо, будь настоящее и будущее также очищены от балласта.

Неизвестный улыбнулся. Улыбка мгновенно изменила его лицо, оно стало приятным. Больной тоже усмехнулся.

– Люди в моем положении склонны к философии, – задумчиво сказал он.

– Вы больны?

– Да.

– Что с вами?

– Перемежающаяся лихорадка. Она не дает работать.

– Где вы работали?

– В порту.

– Кто вы?

– Гент.

– Это имя...

– Так. Но вам, наверное, не нужна моя биография.

– Где вы живете?

– У лавочника-туземца.

– Далеко?

– Нет, не очень.

– Мне хочется что-нибудь сделать для вас. Вставайте!

Охотник взял Гента под мышки, обнаружив незаурядную силу, и поставил на ноги, затем, поддерживая его, сказал:

– Попробуйте идти.

– Куда?

– К себе.

– Благодарю, – коротко сказал Гент.

И они пошли путаницей кривых улиц. У маленького грязного дома Гент остановился, стукнув в калитку. Немного погодя старый араб открыл ее и, покачав головой при виде Гента, жалостно чмокнул.

– Больной, очень больной, – сказал он, – глаз нехороший.

Араб, постояв, скрылся в низенькой двери, завешанной циновкой. На дворе торчала пара худосочных пальм; груды мусора по углам разили зловонием. Гент обошел дом; в его задней части была открыта каменная пристройка без двери, со входом через полукруглую нишу. В этом жалком помещении стоял деревянный стол с придвинутой к нему скамьей, за столом, у стены, помещалась дощатая постель, покрытая тростниковым матом. На столе виднелось несколько глиняных посуды, фаянсовая чашка и складной нож.

Гент тотчас лег, вытянувшись со вздохом облегчения. Гость тщательно осмотрелся и кивнул, как бы говоря сам себе: «Да, тяжелое положение»; затем, пристально взглянув на Гента и сказав: «Я скоро вернусь», – вышел.

Его отсутствие длилось минут сорок. Пока он ходил, Гент размышлял о силе человеческих встреч, следствием которых часто бывает резкий поворот жизни. В данном случае корабль судьбы Гента, по-видимому, не собирался менять курс, но эта видимость могла быть обманчивой. Не редкость, что результаты случайной встречи обнаруживаются лишь впоследствии, иногда через много лет.

Утомленный размышлением, Гент задремал, но его заставили очнуться шаги и голос вернувшегося охотника. Гент увидел, что этот странный человек развязывает большой сверток. В нем были: чай, сахар, кофе, белые сухари, сардины, гранаты, персики, жестянка сгущенного молока и несколько бутылок содовой воды.

– Гранаты разрежьте и опустите в воду; получится хорошее кисловатое питье. Хину принимайте три раза в день по десяти гран после еды.

Охотник помолчал, пыхнув трубкой, затем без малейшей натяжки, что придало его словам непоколебимую, внушительную простоту, сказал:

– Вот, я кладу на стол пятьдесят гиней; до выздоровления вы постарайтесь удовлетворяться этой суммой. Вы спите?

– Да, – сказал Гент, – а вы – мое сновидение...

– Хорошо. Теперь рассказывайте вашу историю.

– Однако, – помедлив, возразил Гент, – простите мое желание узнать, кому я буду иметь честь рассказать эту скучную историю?

– Я – Давид Ливингстон.

Гент с нескрываемым удивлением смотрел на знаменитого путешественника.

– Если это не простое совпадение имен, – сказал он наконец, – то я, следовательно, говорю с человеком, более тридцати лет проводившим в исследовании Центральной Африки?!

– Да, да, – нетерпеливо постучав пальцами, сказал Ливингстон, – мне это порядочно надоело, но я не успокоюсь, пока не достигну цели. Давайте поговорим о вас.

Гент разрезал гранат и набил рот красными семечками, наслаждаясь их прохладной душистой кислотой.

– Не меньше, чем в этом гранате семечек, – начал он, – было у меня когда-то, мистер Ливингстон, тысяч фунтов. Я жил один. Я одиноко стоял лицом к лицу со своим богатством; в конце концов оно надоело мне, смею уверить вас. Оно загромодило меня поместьями, замками, фабриками и заводами. Я задыхался в роскошных джунглях вещей, мебели, редкостей, драгоценностей, золота и различных жизненных положений; увязал в тысячах развлечений, из которых, пожалуй, самым интересным было сбивание тростью придорожных репейников. Мое сознание постоянно засорялось чем-то ненужным.

Однако я иногда устраивал себе праздники, покупая билет и отправляясь в дорогу с пятью шиллингами в кармане. Таким образом время от времени я служил в железнодорожном буфете, пас овец, строил солдатскую казарму, был кочегаром на пароходе, водил по дворам обезьяну, колол дрова, торговал паяльными принадлежностями и проделывал еще многое в том же роде.

Да, как это ни покажется странным вам, я всю жизнь тяготел к дороге бродяг, к состоянию того рода, когда человек здоровый и сильный зависит лишь от себя и своих сил. Мне нравилось ставить известное расстояние между желанием и возможностью его удовлетворить. Проголодавшись, я ел хлеб с салом, запивая еду кислым вином. Изысканный обед на сытый желудок в сравнении с таким меню казался приемом лекарства. Продрав штаны, я покупал на рынке новые брюки после отчаянного торга, но мне казалось, что на мою обнову смотрит весь город. Я умывался без мрамора и парижского мыла, в жестяном тазу, – лишь тогда, только тогда, мистер Ливингстон, я получал высшее удовольствие видеть, как от локтей до кистей сбегает в виде чернил жирная угольная копоть, освобождая тугую белую кожу мускулов. Наконец я был свободен – и в мыслях, и в движениях, и в местах.

Поэтому, когда несколько промышленных кризисов обрадовали жителей Европы возможностью покупать перочинные ножи и стальные перья на несколько копеек дешевле, а смывленные люди позаботились скупить мои векселя, эти обстоятельства заставили моего управляющего явиться ко мне с похоронным лицом. Я выслушал все, что он мог сообщить, то есть что в десять часов пятьдесят пять минут утра 9 июля 1864 года я стал нищим, и отпустил его со странным светом в душе, напоминающим впечатление от блестящего концерта.

У меня, положим, оставалось тысячи полторы фунтов, но я приобрел на них небольшую шхуну и стал возить сельди. Три месяца прошло в этом занятии, пока крутой риф в союзе с туманом не распорол внутренности моего «Гладиатора». Это происшествие вернуло сельдей их отечеству, а меня после хорошего купания заставило приютиться матросом на корабле «Кист». Затем, переходя с корабля на корабль, я побывал везде, где мне хотелось побыть, и наконец, как видите, осел в Занзибаре благодаря вывиху ноги. Лихорадка – мое последнее приобретение. Здесь я отдыхал некоторое время в качестве африканского лаццарони, пока не проел последнее жалованье и не получил в придачу к своим тридцати шести градусам внутреннего тепла четыре градуса туземных. Вот все.

– Не много, но хорошо, – сказал Ливингстон. – Я приглашаю вас присоединиться к моей экспедиции.

– Я болен, мистер Ливингстон, – возразил Гент, приподнимаясь от радости, – но ваше предложение мне очень дорого.

– Наши караваны выступят через десять дней, к этому времени вы постарайтесь выздороветь. Мне хочется иметь вас. Вот мой адрес. – Он написал карандашом на визитной карточке несколько слов и подал Генту. – Я ухожу. Желаю вам скорого выздоровления.

Ливингстон надел шляпу и вышел. Гент был один.

Когда затихли его мерные, тяжелые шаги, Гент взял сухарь и стал нехотя грызть, потом съел ложку консервированного молока. Затем он прикрыл глаза рукой, и, когда снял с ресниц влажные концы пальцев, его мнение о Ливингстоне было законченным.

– Это – человек, – пробормотал он, снова ложась. – Будь я профессором медицины, я выпустил бы книгу под названием «Лечение приятными впечатлениями». Право, я чувствую себя несколько лучше.

IV. Охотники на слонов

У входа в гостиницу «Замбези» дремал ручной гепард. На его нос села муха. Он сморщился и кошачьим движением лапы прогнал насекомое. Затем, пренебрежительно щурясь, ленивый хищник оставил без внимания восемь пар ног, обутых в громадные сапоги, неуклюже перешагнувших через его пестрое туловище, и облизал лапу.

Восемь пар направились к окну с видом на взморье и разместились вокруг стола. Это были охотники за слоновой костью; окончив сборы, закупив все необходимое для охотничьей экспедиции, они пришли выпить за успех предприятия.

Главным лицом компании, ее вдохновителем и вождем был худощавый старик Ван Ланд, голландец. Сутулый, с длинными ушами, жилистый и проворный, как змея, человек этот, победивший свои шестьдесят пять лет непрерывным закалом все выносящего организма, обладал выпуклыми глазами; их сухой блеск напоминал блеск жаркой воздушной дали. Его седые волосы беспорядочно веяли вокруг высохшего лица, в котором ясно намечались кости черепа, обтянутые морщинистой темной кожей. Его спутники были крепкими, внушительного вида людьми различных национальностей, отличавшимися великолепным равнодушием ко всему, что не касалось охоты, вина и денег, за исключением молодого Ван Буша, человека начитанного и живого.

Разговор носил профессиональный характер. Слуга принес несколько бутылок коньяку, закуской к которому служили бананы, посыпанные мелким сахаром и облитые холодными сливками. Ван Ланд завел беседу о ценах на слоновьи клыки с торговцем, подсевшим к компании; часть охотников, стасовав колоду карт, вытащила золотые монеты; остальные ели, пили и пели.

В это время к столу подошел Гент. Его болезнь так затянулась и осложнилась, что надежда отправиться с Ливингстоном исчезла. Гент лежал в госпитале, где пробыл шесть месяцев.

Выздоровев, он провел более четырех лет в тех же или похожих на них занятиях, о которых рассказывал Ливингстону: последние полтора года служил матросом на «Неваде», большом океанском судне, плававшем от Суэца до мыса Доброй Надежды. Но Занзибару, видимо, суждено было снова играть роль в жизни Рента, так как пароход поместился здесь в доке для ремонта и команда была рассчитана.

– Господин охотник, – сказал Гент Ван Ланду, – я делаю вам и вашим товарищам предложение. Примите меня в компанию. Я охотник, как и вы.

Гент был в матросском платье, поэтому некоторые бесцеремонно расхохотались, остальные смотрели с недоверием.

– Вы били слонов? – иронически спросил Ван Ланд. – Чем вы поражали их? Кулаком? Палкой? Гандшпугом? Или, может быть, ловили их в сетку для перепелок?!

– Я убил одиннадцать индейских слонов, – спокойно возразил Гент, когда улегся взрыв хохота, вызванного вопросом Ван Ланда, – среди них были два «отшельника»⁸. Я охотился с сэром Реджинальдом Шерли, английским посланником, участвовал в нескольких охотах раджи Баганпура, но шесть слонов убиты мною один на один, без соучастников.

Смех умолк. Скептически поиграв бровями, Ван Ланд сказал:

– Линкастром?

– Тяжелая винтовка Рейля пригодна для слонов, – ответил Гент, – я ею пользовался и слышал, что она годится также для носорога.

⁸ Слоны, бродящие в одиночку, очень свирепые.

– Верно, – сказал старый охотник. – Если вы не врете, то, значит, говорите правду. Скажу вам откровенно: одним хорошим охотником больше – больше и прибыли. Я согласен вас взять, однако нужно, чтобы согласились все.

Положив руку на карты, он остановил игру, и охотники стали совещаться. Особенно серьезных возражений не сделал никто, за исключением одного, заявившего, что «слова – словами, а дело – делом». Тотчас же еще трое присоединились к этому мнению.

– Надо, по крайности, узнать, как он стреляет, – сказал скептик. – Дайте ему мое ружье, а затем решайте.

– Что бы вам выйти туда, под окно! – сказал Ван Ланд, передавая Генту тяжелый штуцер. – А мы отсюда посмотрим. Вот и цель, видите за изгородью, на заброшенной лавке, торчит шест с деревянным яблоком. От окна до шеста, думаю, ярдов двадцать. Пальните-ка в яблоко.

– Цель трудна, – сказал Гент, – но я попробую.

– Не попадете – дадим другую цель.

Гент взял ружье, встал на подоконник и соскочил во двор.

Посетители трактира столпились у окна, постепенно заключая пари и выкрикивая стрелку советы. Гент нажал спуск. Килотик, наполовину сшибленный пулей, повернулся и наклонился, обнажив черную линию гвоздя, которым был приколот.

– Хорошо, – сказал Ван Ланд, – он имеет право бить слона. Я ему верю.

Гент вернулся тем же путем, молча принимая возгласы одобрения.

– Как видите, – обратился он к охотникам, – стрелять я могу. Перед тем как убить первого слона, я практиковался по способу Самуила Беккера: становился на рельсы и сходил лишь в пяти шагах от набегающего паровоза. После этого несколько минут дрожат колени.

Затем пили за здоровье нового компаньона. На другой день Гент отправился за покупками. Гент запасся новой винтовкой Рейля, двухствольным дробовиком Линденса, простыми и разрывными пулями, пистонами, порохом, пыжами, дробью и смазочным маслом. Огниво, кремни, клубок восковой свечи, иголки, нитки, ножницы, американский топор, железный котелок с крышкой, оловянная миска и стакан, складной нож и нож охотничий, пачка липкого пластыря для ран, склянка хины, десять килограммов кофе и столько же чая, десять килограммов табаку, трубка черного дерева и две дюжины пуговиц – все это, кроме вооружения, было ему нужно в походе.

V. Гора сокровищ

Через два месяца охотничья экспедиция Ван Ланда проникла в область внутренних озер Африки, начав жизнь трудную и опасную. Ван Ланд относился к Генту с суровым уважением. Опыт совместной деятельности скоро показал ему, что новый охотник – человек большой жизненной опытности и верного инстинкта, помогающего ему в критических положениях. Кроме того, Гент выказал столько хладнокровия и отваги, что старый охотник был от него в восторге. Но, несмотря на одинаковость жизни и успехов, нечто неподвластное внешним фактам разнило Гента от его товарищей. Этим «нечто» был сложный внутренний мир, наличие которого скрыть невозможно, как невозможно скрыть радость, болезнь и горе. Благодаря этому к Генту установилось спокойно-чуждое отношение. Сначала он несколько тяготился им, а затем привык и часто не скрывал уже появляющегося времени желания быть наедине со своими мыслями. Тогда он брал «рейля» и уходил в лес, рассеивая его тишиной грустные воспоминания или безотчетную тревогу – спутницу одиноких людей.

Именно так он поступил в то утро, которому было суждено поразить его воображение.

Накануне этого дня охотники остановились у озера, в устье небольшой реки. Берег здесь образовал ряд болот, насыщенных миазмами гниющего тростника; за болотами тянулись скалистые террасовидные горы, залитые вдали нежными цветными оттенками; вблизи скалы были желты и серы. Их формы напоминали кучи круглых хлебов. Отсутствие древесной растительности придавало этому скалистому пейзажу безотрадный вид.

Именно туда направился Гент, привлеченный оригинальной местностью, напоминавшей первобытный мир. Он рассчитывал, обойдя часть гор, вернуться к берегу. Гент взял «рейля», сумку с провизией и, миновав по пояс в воде болото, выбрался к подножию скал. Здесь росли редкие зонтичные растения, с их горизонтально простертыми ветвями верхушек и голым стволом; а дальше из трещин угрюмого, как бы литого, камня торчали жесткие кактусы.

Скоро Гент погрузился в мертвое море вылощенных дождями и ветром каменных закруглений, переходя голые валы и раскаленные лощины. Все было здесь отдано власти знойного, солнечного молчания. Эта тишина, лишенная жизни, среди волнистых массивных ярусов, отражающих нестерпимый блеск, была поразительна. Земля, как бы в порыве гнева, приговорила эти места к молчанию в заколдованном кругу вечной смерти. Шаги звучали безотрадно; не было птиц, кустов, и лишь изредка клочок пыльного мха, сожженного солнцем, говорил своим видом о тщете жизненных пыток в области проклятого простора.

Взобравшись на ближайшую вершину, Гент увидел, что ее закругление с другой стороны рассечено отвесным обрывом. Эта расселина, или пропасть, была не шире трех метров. За ней тянулись к северу те же печальные громады сплошного камня.

Наметив пропасть естественным пределом своего восхождения, Гент намеревался спуститься по южному склону к озеру, но перед тем присел у обрыва поесть. Стакан водки, галета и кусок холодного мяса; он насыщался, рассеянно смотря в пропасть. Его внутренность была изборождена вертикальными трещинами, заросшими мхом.

Солнечный блеск, отражаемый камнем, утомил глаза охотника, и он с удовольствием направил их в тень. Когда взгляд освоился с тьмой пропасти, стала постепенно видна поверхность противоположного отвеса. Пронизая отдохнувшим зрением темноту, Гент опускал взгляд все ниже, пока не остановился на полукруглой линии, очень правильной, словно очерченной циркулем; ее вершина была обращена вверх, но продолжение терялось в густом сумраке, совершенно непроницаемом. Напрасно Гент старался расследовать что-нибудь еще. Правильность и чистота линии показались ему чрезмерными, тем более что все трещины и выступы темных пород имели везде, без исключения, направление вертикальное.

Гент вынул клубок восковой свечки, отрезал небольшой конец и, прикрепив его в петле бечевки, опустил зажженным в глубину на уровень с полукругом, но свет огонька, величиною с орех, бессилён был победить многовековую тьму, он слабо шевелился красной точкой, едва озаря вершок бечевки.

Смотав ее, Гент нашел несколько небольших камней и бросил в пропасть, отсчитывая продолжительность их падения: «Раз... два... три...» – на одиннадцати донесся глухой плеск воды. Выполнив эту своего рода повинность путешественников в отношении пропастей, Гент задумался, как осветить полукруг. Наконец он нашел средство. Отстегнув крышку кожаной сумки, он вырезал из нее часть кожи и, наполнив отрезок порохом, устроил род петарды с тряпчным фитилем, натертым воском для медленного сгорания. Воспламенив фитиль, он опустил бечевку с прикрепленной петардой на высоту загадочной черты и стал ждать.

Раздался треск, во тьме сверкнул яркий столб огня, мгновенно вернув мраку его величие, но Гент продолжал мысленно видеть обнаруженное огнем. Полукруг был верхней частью большого камня; его нижняя часть образовала прямую линию. Камень выдавался из скалы наклоном верхней своей части фута на полтора. Он был обтесан так правильно, что его присутствие здесь, в месте первобытно-диком, надо было признать делом рук человеческих. От его основания тянулась вниз неровная щель. Вероятно, некогда плотно вогнанный камень выдвинулся наружу действием землетрясения, образовавшего трещину и тем расширившего углубление.

За взрывом кожаной петарды последовал своеобразный взрыв чувств. Гент не сомневался, что камень хранит тайну, раскрыть которую толкало его повелительное желание рассеять неизвестность – опасная жажда, свойственная человеку. Взволнованный столь странным открытием, волнуясь тем более, чем упорней думал о камне, Гент удалился, чтобы спокойнее обсудить положение. Он не заметил, как сошел с гор, – так сильно его голова была занята планами раскрытия тайны. Одной мускульной силой нечего было и думать выворотить такой камень – футов шесть вышины; к тому же здесь были нужны усилия не одного человека, что сильно осложняло задачу: Гент не намеревался посвящать кого-либо в задуманное.

Дома он узнал, что негр, взявшийся служить проводником к месту, посещаемому слонами, получив в задаток связку бус, а также бутылку водки, рассудил предпочесть эту добычу риску и неприятностям опасной охоты. Он не явился, что было очень кстати для Гента. Зная дикарей, он знал, что из окрестных деревень никто не явится заменить сбежавшего, а если явится, то, во всяком случае, не скоро, так как всякое дело требовало у них долгого обсуждения.

Поэтому Гент, в тишине ночи сделав приготовления, достиг пропасти к тому часу, когда пламя востока разлило по озерной воде яркий багровый блеск, озарив тропический пейзаж тихим сиянием. Прозрачность воздуха, казалось, одухотворила землю: горизонт как бы приподнимался, колыхаясь в лучах. Крики птиц слабо доносились с воды на горную высоту.

Гент приступил к делу. Он взял с собой сто футов крепкой веревки, три фунта пороха, стальное долото, молоток и небольшой шнур, пропитанный салом, замешанным с пороховой копотью. В лесу он срубил молодое дерево, толщиной в пять дюймов и длиной значительно более ширины пропасти. Укрепив конец веревки посередине этого шеста, Гент сделал на другом конце неподвижную петлю, обмотав ее одеждой. Шест он перекинул так, что его концы легли прямо поперек трещины. Затем, взяв порох, долото, молоток и шнур, Гент повис над пропастью и, перебираясь по шесту руками, ухватился за веревку. Менее чем через минуту он сидел в петле, крепко привязав себя к ней ружейным погоном.

Теперь, озарив небольшое пространство перед собой, Гент внимательно пригляделся к камню. Он был положен давно. Дожди и сырость сильно пообточили его грани. Гент убе-

дился, что руками даже не пошевелить камня, а твердая порода скалы не подавала надежды, что можно скоро пробурить минный канал.

Тогда он стал искать в нижней трещине и по выдающимся частям камня удобной пустоты для помещения пороха, исследуя каждый дюйм. Наконец старания его были вознаграждены. Под низом камня, благодаря неровной высечке или иным причинам, образовался ряд пустот, напоминающих гнезда чугунной доски для пышек. Здесь, меж камнем и скалой, можно было, хотя и не без изворотливости, просунуть руку до локтя.

Все это время он чувствовал себя крайне неудобно на своем висячем сиденье. При всяком значительном усилии он вместе с веревкой качался и вертелся самым беспокойным образом. Поэтому, утомленный необходимостью принимать акробатические позы, Гент решил попытаться взорвать камень теперь же, не разыскивая более удобных мест для взрыва.

Гент всыпал весь порох в каменные гнезда скалы под камень, рассчитывая, что три фунта, несмотря на солидный вес камня, – вещь все же не шуточная. Затем, приладив фитиль, охотник зажег его конец, тотчас давший струю едкого дыма, выбрался на скалу и сел в ожидании. Из пропасти вырвался удар. Дым хлынул оттуда с силой пушечного заряда. Тотчас же послышался шум осыпающихся камней. Дав разойтись дыму, Гент заглянул в пропасть: камень откинулся от скалы верхней частью, удерживаясь на нижней; можно было заметить теперь, что это – род толстой плиты. Охотник спустился вниз.

Повиснув в петле, он ухватился руками за верхний край камня и, сообщив ему всю тяжесть своего тела, вывернул его из гнезда. Камень, с грохотом ударяясь о стены ущелья, исчез во тьме, раздался последний глухой шум воды, и Гент очутился перед отверстием тайника, пред входом святилища, сокровищницы или могилы.

Несколько минут он качался в петле, медля ступить в проход. Ему было приятно создавать призраки. Среди этой забавы воображения не последнюю роль играли своды храмовидных пещер, полных черной воды, в которых свет факела озаряет причудливые формы сталактитов или скелетов допотопных чудовищ. С самыми странными ожиданиями Гент подтянулся к скале и вполз в отверстие; затем, расправив конец свечного клубка, высек огонь.

Впереди ничего не было видно. Ощупав стены, Гент убедился, что они искусственного происхождения. Никакая игра природы не усеяла бы их такими характерными царапинами и тесаными углублениями, оставляемыми лишь железом. Он двинулся вперед. Узкий проход, вышиною едва в рост человека, тянулся на протяжении не более десяти футов; за ним находилось просторное помещение, границы которого свет охватил не сразу. Охотник помог борьбе огня с тьмой, отрезав несколько кусков воскового шнура; поспешно воспламенив их, он прилепил свечки к выступам ближайшей стены. Понемногу глаза человека освоились с перспективой, проступавшей сквозь мрак так медленно и неясно, как стая рыб, всплывающих из глубины к светлой поверхности. Наконец не оставалось больше сомнений: Гент находился в искусственной пещере, имевшей форму неровного полушария и загроможденной вещами, относительно ценности которых в голове самого спокойного и сообразительного человека мог возникнуть только бесформенный цифровой туман. Мы можем картинно представить расстояние мили, двух, даже до десяти; силу звука – в пределах пушечного выстрела; богатство – в размере наших личных вожделений, но ни расстояние значительное, ни гром тысяч орудий, ни сокровища, рассыпанные сотнями пудов, хотя бы они были под рукой, не откроют воображению истинной своей силы.

Поэтому Гент не делал жалких попыток. Он осмотрел все, всему отдал естественную дань чистого волнения, лишенного даже тени той безумной радости, с какой, надо полагать, открывались все клады, и составил опись всего своим ровным почерком, указав приблизительно вес и меру сокровищ.

В ближайшем углу, слева от входа, стояло несколько глиняных, овальной формы посуды с толстыми закраинами, прикрытых и обвязанных полуистлевшей кожей. Эти вместилища доходили Генту до половины груди. Он сорвал кожу, опустил руку и вытащил горсть жемчужин. Даже такое тусклое освещение, в каком находилась пещера, не могло остаться равнодушным к краскам, скрываемым дочерьми океана; оно извлекло все блески, отсветы и переливы, рожденные грубой известью в союзе с нервным телом моллюска. Нежная, почти одухотворенная белизна, такая теплая, что казалась живой прелестью тела, отливала красками утренних облаков, смешанными в чудесной гармонии. Некоторые жемчужины были величиной с орех; большинство, зачерпнутое рукой Гента, не превышало объема крупной фасоли, но мелочи совсем не было.

Гент продолжал осмотр. Постепенно он переходил от одного сосуда к другому, везде обнаруживая богатства, недоступные самой смелой оценке. Большинство вместилищ было наполнено драгоценными камнями, преимущественно алмазами, обрезанными в форме двухсторонне-пирамидальной. Они светились, как глаза сказочных птиц. Сапфиры, рубины и изумруды смешивали в руке свои лучи, покрывая потрескавшуюся темную ладонь охотника ярким огнем. Он сбрасывал их обратно, прислушиваясь к холодному стуку камней. Их блеск утомлял, очаровывал и притягивал; он проникал в душу, вызывая ответные ему цвета, не менее сложные и чистые, но дремлющие.

Продолжая продвигаться, Гент наткнулся на кучи серебряной и золотой посуды, достойной стоять в знаменитейших музеях на первом месте. Восточная орнаментация сплела их узоры с украшениями из драгоценных камней. Здесь были малые и большие блюда, кувшины, кубки, чаши и тазы неизвестного назначения. Все это было уложено в три ряда, представляя блистающие нагромождения огромной тяжести. Некоторые из сосудов были наполнены украшениями: браслетами, перстнями, кучами золотых блях, кинжальных рукоятей, спиральных и простых обручей, различных головных украшений и пряжек. Гент не мог пересмотреть все. Он медленно двигался, едва успевая оторваться взглядом от одного изобилия, чтобы смотреть на другое. Последним, что он увидел, был грубый каменный ящик с золотыми монетами. Гент поспешил осмотреть монеты, но по ним трудно было установить национальное происхождение этого грандиозного клада: среди арабских, персидских, испанских, португальских, турецких и индийских монет попадалось довольно большое количество золота французского и английского; как ни искал Гент, он не нашел монеты старше золотой кроны с изображением Генриха IV, почему и отнес клад к шестнадцатому столетию.

Стоит подумать о том, сколько людей на месте Гента лишились бы чувств, рассудка, а может быть, и жизни, не вынеся чрезвычайного, исключительного волнения. Во всяком случае, ни один бы не вышел, сохранив нервы. Охотник перенес испытание очень легко. Как мы говорили, он был лишен алчности, и волнение, испытанное им, носило особый характер. Размышляя о страшной силе, окружавшей его, он как бы оглядывался мысленно на историю миллионов жизней, тысяч семейств, походов, разбоев, куплей-продаж и стяжаний, приведших постепенно, в разных местах и в разное время, к образованию несметных богатств, собранных когда-то в одно место настойчивостью и силой неизвестных людей. Мысль дать движение кладу, вызвать его из состояния покоя к сокрушительному движению уже страшила его; постепенно, однако, он стал размышлять хладнокровнее, овладевая бушеванием представлений и подчиняя их планам крупных масштабов. Все тише становилось в его душе, и, когда от воскового клубка осталось не более двух дюймов, Гент почувствовал, что он голоден до изнурения, что пора уходить и что обладание сокровищем не причинило его душе малейшей трещины, недостойной его всегдашнего равнодушия к власти над жизнью путем чрезмерного богатства. Но он, вопреки себе, был все-таки снова богат и громко расхохотался, сообразив это. Затем бросил вокруг себя задумчивый, долгий взгляд.

Подойдя к глиняному сосуду, Гент выбрал несколько крупных алмазов, ссыпал их в карман, затем взял горсть золотых монет и удалился на поверхность скалы. Воздух был резко свеж. Над головой охотника и вдали, куда он ни обращал взгляд, горели тропические звезды, наполняя ночь властью магического сияния, так много говорящего человеку, умеющему смотреть вверх.

Гент сел и долго курил, пока с востока не потянул теплый ветер, вестник рассвета. Первые лучи солнца застали его уже в лесу; сидя у костра, он жарил кусок кабана, подстреленного близ ручья. Кончив есть, Гент вернулся в тайник, где составил к вечеру подробную опись драгоценных вещей и приблизительную – содержимого глиняных сосудов. Пересчитав меркой золотые монеты, он высчитал, что только они одни составляли сумму в пятьсот тысяч фунтов стерлингов. Окончив этот утомительный труд, Гент старательно уничтожил следы, бросив в расселину шест и петлю, и к закату достиг лагеря, где застал всех своих за обсуждением предстоящей охоты.

Надо сказать, что к этому времени несчастный случай отдал безвестной могиле трех охотников. Их звали: Петерс, Гельминд и Орук. Петерса убил раненый слон, сломав ему хоботом позвоночник; зверь превратил тело в бесформенную массу. Гельминд погиб не менее страшной смертью: он был изувечен буйволом, разбившим грудь несчастливца, когда тот, став на колени, приготовился сразить животное верным выстрелом – ружье дало осечку. Орук утонул. Число членов экспедиции равнялось, таким образом, пяти, не считая Гента. Среди них были два англичанина – отец и сын Стефенсоны; остальные с Ван Ландом родились в Голландии. Их звали: Ван Буш и Клебен. Читатель не посетует, если мы набросаем ряд кратких характеристик, могущих послужить ключом к драме, вызванной обстоятельствами.

Стефенсоны держали трактир в Порт-Саиде и занимались скупкой краденого. Полиция заставила их искать другое место деятельности. Ряд неудач привел их на службу фактории, торговавшей с неграми. Их мечтой было, подкупив капиталец, вернуться на родину. Отцу стукнуло сорок лет; неслогоохотливый, угрюмо погруженный в расчеты, он вечно ссорился с сыном, заработок которого поглощала азартная игра. Сын надеялся на решительный поворот фортуны и раз был жестоко избит в Богомайю за попытку указать капризной богине счастья правильный путь путем присоединения к своей игре пятого туза. Иногда оба напивались, мрачно ругая друг друга.

Если Ван Буш являлся страстным охотником по натуре и с детства проводил жизнь в лесах, слагая иногда недурные песни, то трудно было понять, почему Клебен оставил семью ради профессии, не имевшей ничего общего с прежним его делом.

Клебен восемнадцати лет поступил писцом в контору нотариуса. До тридцати лет жизнь его протекала тихо и скромно. Затем он таинственно исчез. Контора нотариуса так же таинственно закрылась, причем хозяин ее очутился в тюрьме по делу о подлоге крупного завещания. Клебен не написал и не дал знать семье о своей участи, сам же он появился на Занзибарском рынке, торгуя пряностями. К этому времени от чистенького, аккуратного писца осталось лишь имя, а носитель его превратился в «темную личность». Потерпев какие-то неудачи, Клебен нанялся слугой к бельгийскому охотнику Буароберу, а от него перешел в компанию Ван Ланда. Этот странный, нервный человек с тонким голосом, внимательным, сладким взглядом и густой бородой сделался прекрасным охотником, не внося, однако, в свое занятие ни малейшего увлечения. Отстраняя малейшие удовольствия и развлечения, Клебен скредно копил деньги.

Ван Ланд являлся типом искателя приключений по характеру и призванию. Прожив долго, он многое позабыл в прошлом, но ни в забытом, ни в памяти его не было двусмысленных положений. Он честно служил страстям, но они не могли сломить его стальной организм, вечно обновляемый пламенем нестареющего сердца и непоколебимой души. Это был

игрок, пьяница, бродяга, страстный и неутомимый охотник, считающий далекие путешествия привычным делом, естественным, как сон или пища; без слов, без длинных монологов, до которых так падки духовные франты, любил он природу и по-своему понимал ее не хуже присяжных поэтов. Во всякое дело он вкладывал столько увлечения, что заражал энергией самых холодных людей. Понимая человеческую природу, Ван Ланд считался лишь с теми сторонами ее, от каких не отвернулся бы сам; остальное же обходил молчанием и презрением. Он попал в Африку молодым человеком и в ее ядовито-роскошных дебрях нашел новое отечество.

Таковы были люди, с которыми столкнулся Гент.

Он вошел в палатку с сияющими глазами. Ван Ланд первый обратил на это внимание, спросив, не убил ли Гент, по секрету, пару слонов. Гент не торопился приступить к делу; внимательно переводя взгляд с одного лица на другое, он старался взвесить положение и невольно задавал себе вопрос, не создаст ли оно ему препятствий и огорчений. Он не знал прошлого своих случайных товарищей и не хотел знать, но тесная жизнь с ними открыла, конечно, всю разницу душевного склада меж ним и остальными охотниками. Он не любил их, за исключением Ван Ланда, к пылкой непосредственности, детской испорченности и седоволосой юности которого чувствовал молчаливую симпатию.

– Мистер Гент, – сказал Ван Ланд, – так как вы, по-видимому, не убили слонов, но окончили таинственные прогулки, мы хотим узнать ваше мнение. Голоса, видите ли, разделились: Стефенсоны и Клебен стоят за негров, а я и Ван Буш – за честную охоту. Я вам скажу, в чем дело.

Гент узнал, что вчера компания приобрела два отличных клыка за бочонок порошу, кремневое ружье, пять зеркалец и бутылку водки. Когда стали просить негров принести еще товар, король деревни, напившись пьян, объявил, что водка хороша и что, если ему дадут бочонок водки, он устроит загонную охоту, пустив в дело тысячу подданных. Меж тем план охоты, предложенной хмельным чернокожим деспотом, был по существу не охотой, а отвратительным делом.

Оно происходило обыкновенно так: сборище дикарей под начальством проводника окружало в лесу слоновье стадо – самцов, самок и маленьких, производя оглушительный шум трещотками, барабанами и завываниями. Испуганные слоны забивались в глушь; тогда негры разводили костры, мешающие слонам прорвать ночью кольцо плена, а днем старательно валили по кругу оцепления огромные деревья, устраивая таким образом непроходимые заграждения. Между тем слоны, лишённые водопоя, сильно страдали от жажды, и через несколько дней инстинкт опасности покидал их. Негры, пользуясь этим, приносили внутрь заграждения пироги, налитые отравленной водой; измученные животные, спеша утолить жажду, пили и немедленно гибли от такого зверского угощения; те же, что покрепче, впадали в сонливое оцепение; с ними тогда можно поступать как угодно. Владея лишь жалким оружием, негры, по рассказам охотников, превращают тела несчастных оцепевших гигантов буквально в решето, прежде чем удастся лишить их жизни. Тогда наступает африканское пиршество. Негры плавают в крови, роются во внутренностях, забираясь в туши, рвут, режут и мусолят теплое мясо, глотая на ходу куски жира. От слона остается скелет; кожа, мясо, внутренности и клыки поступают в общий доход племени.

Королек, предлагая подобный план, имел в виду недавно выслеженное стадо из восьми взрослых и четверых молодых, еще беззубых животных. Ван Ланд обещал ему бочонок водки, если тот просто укажет, где бродят слоны, но дикарь отклонил предложение, предвидя, что охота без, так сказать, контроля – дело гадательное. Теперь охотники спорили между собой. Стефенсон и Клебен требовали принять предложение.

– В таком случае мы стали бы подрубать сук, на котором сидим, – сказал Ван Ланд. – Это – голое хищничество. Убивая самок и малышей, мы скоро опустошим область. Кроме

того, – прибавил он с сердитым блеском глаз, – позор охотнику. Не дело это, братцы, Стефенсон и ты, Клебен!

– Вы безмерно щепетильны, Ван Ланд! – возразил Клебен. – Ведь мы – промышленники. Нам нужны деньги. Надо убивать больше слонов, вот и все.

– Хорошо сказано, – отозвался Стефенсон-сын. – Мы с отцом не чувствуем этих нежностей. Вам, Ван Ланд, может быть, есть время ждать, пока вырастут малыши. Черт с ними!

– Нет, – сказал Ван Буш. – Не стоит срамиться за пару лишних клыков. Кроме того, мы будем не рады, если свяжемся с дикарями. Они вымотают вам душу. За неделю такой травы вы проклянете жизнь.

Гент внимательно слушал. Спорщики начали уже переходить в область личных счетов, когда он поднялся и сказал:

– Позвольте мне говорить. Простой арифметический расчет мгновенно покончит ваши несогласия. Скажите мне, Стефенсоны, на какой сумме успокоилась бы ваша душа?

– Если бы я имел десять, – подумав, ответил старший Стефенсон, – ну, скажем, двадцать тысяч фунтов, я так вычистил бы подошвы, что даже пылинки здешней земли не стало бы на них. Вопрос, впрочем, бесполезный, мистер Гент.

– Но так как я проживу дольше тебя, то мне надо больше, – возразил его сын. – Вы очень скромны, папаша! Разве вы не видите, что мистер Гент собирается написать чек? Напишите и мне, – насмешливо обратился он к Генту, – на сумму эдак вдвое большую, чем родителю.

– Хорошо, мы увидим, – сказал Гент. – А вы, Клебен?

– К черту шутки! – перебил Ван Ланд. – Если так, так я уйду.

Он встал резким движением, но Гент удержал его.

– Постойте, это не шутки. Я говорю вполне серьезно и предчувствую ваше изумление. Дайте мне слово, что никто не обнаружит малейшего любопытства, не будет приставать с расспросами, откуда я взял то, что я сейчас вручу вам, – и ваши желания исполнятся: короче говоря, все вы немедленно погрузите ваши пожитки и отправитесь с богатством в кармане.

Десять широко раскрытых глаз уставились на Гента; тон его голоса был таков, что общее недоумение выразилось напряженным молчанием. Предчувствие подсказало им, что говорящий так смело не шутит.

– Согласны! – вырвалось одновременно у Стефенсонов, в то время как лукавая мысль искала уже дорог обойти это обещание.

– И я! – Клебен выдвинулся вперед, почти вплотную к Генту, с которого не сводил загоревшихся глаз.

Ван Буш и Ван Ланд кивнули. Тогда Гент вытащил из кармана пять крупных алмазов, опустил руку на середину стола и разом показал крупное состояние, вспыхнувшее на солнечном свете. Камни были почти одинаковой величины и чистейшей воды, весом не менее двадцати каратов. Несмотря на малую величину их, эта ослепительная кучка заслонила от зрителей все остальное. Громкий крик жадного восторга вырвался у охотников. На мгновение Гент был забыт. Однако никто еще не прикоснулся к алмазам, как бы желая освоиться с неожиданностью. Затем драгоценности стали переходить из рук в руки, вызывая множество замечаний, цифр и возбужденного спора. Общее мнение оценило сокровища в двести тысяч фунтов.

– Факт налицо, – сказал Ван Ланд, отирая пот. – Досадно, что не придется знать, откуда появились они в вашем кармане.

– В моем – да, но в вашем – из моего кармана. Камни эти я дарю вам. Вас – пять... Камней – тоже пять. Может быть, я подобрал не совсем ровные, в таком случае вы можете их разыграть между собой. Берите, не церемоньтесь. Мы долго жили вместе, дыша одним воздухом постоянных опасностей, и я не хотел бы, чтобы вы придали моему подарку какое-

нибудь особенное значение. Я рад, что смог немного поторопить судьбу; особенно вам, Ван Ланд и Ван Буш!

– Нет! Нам!! – закричали охотники, плохо понимая, что говорит Гент. Для них вполне ясно было одно: каждый владеет диковинно свалившимся состоянием. Здесь характеры выразились вполне отчетливо. Меньше всех показали волнения Ван Ланд и молодой охотник Ван Буш; с застенчиво просиявшим лицом Буш поймал руку Гента и крепко потряс ее... Ван Ланд долго жевал губами, взглядывая то на камни, то на щедрого дарителя, хитро прищурившись, но с признательностью, которую почувствовал Гент. Остальные дико метались: Клебен пытался обнять Гента, назвал его «своим милым другом», растягивая рот до ушей, в то время как глаза его были отвратительно неподвижны. Стефенсоны, считая нужным говорить больше, чем им дано было природой, несвязно и многоречиво высказывали свои чувства. Затем все сбились в кучу, рассматривая подарки.

Гент вышел: на него мельком оглянулись, но никто не удерживал, не остановил и не показал, что обращает на него внимание. Тайна, которой он окружил свой дар, поставила его в исключительное положение. Миллион не падает с неба, особенно в глуши дебрей. Его также не носят в кармане затем, чтобы в один прекрасный день огорошить приятелей; а главное – такая сумма не может быть последней лептой вдовицы; она, естественно, часть неизвестного, но, вероятно, огромного целого. Меж Гентом и остальными легла серьезная тайна, сделавшаяся его недостижимой силой, а их – мучениками этой тайны, ибо жадность, обостренная любопытством, не имеющим никаких ключей, становится неутолимой.

Стараясь быть незамеченным, Гент покинул лагерь и взобрался на скалы. Он начинал обдумывать план, достаточно громадный и смелый, чтобы наполнить жизнь сотен людей, подобных ему. С ним снова были веревка и шест; на этот раз он взял столько драгоценных камней самого лучшего качества, сколько вместились в потайной карман сумки, и, обогнув озеро, направился к восточным долинам.

Теперь мы остановимся на эпизоде, предшествовавшем появлению Гента в караване Стэнли.

Высокий негр, обвешанный голубыми, белыми и красными бусами, стоял между четырех дикарей свирепого вида, вооруженных луками и дротиками. У его ног лежал распоротый тюк. Это был носильщик пятого каравана Стэнли, решивший, что лучше бежать с тюком, столь соблазнительным, чем таскать его изо дня в день за несколько метров ситца. Убедившись в лес, носильщик на свою беду воспылил жадной немедленного счастья: обвешав себя фунтами десятью бус и не довольствуясь этим, он развесил вокруг на ветках цветные сверкающие гирлянды замечательных украшений, танцуя, распевая во все горло песни о самом себе, таком хитром и удачливом. К его несчастью, эти вопли, а также заметное сверкание сквозь листву пестрого стекла привлекли внимание туземных разбойников, имеющих обыкновение следовать поодаль за караванами. Объявив носильщика на основании его странных манипуляций колдуном, разбойники решили его повесить. Колдуны, надо сказать, чрезвычайно многочисленны в Африке, и их деспотическая власть над жизнью, имуществом и судьбой своих соплеменников служит для последних источником постоянных мучений. Поэтому бродяги не без злорадства готовились исполнить замысел. Веревка уже легла на шею носильщика, как вблизи затрещали выстрелы, пули шелкнули по ближайшим деревьям, и бандиты бежали, оставив жертву с ее бусами и страхом во власти белого человека, показавшегося из чащи с ружьем в руках. Это был Гент, случайно наткнувшийся на сцену, быть безучастным свидетелем которой не отвечало его характеру.

Спасенный неистово обнимал ноги белого человека, и наконец способность связной речи вернулась к нему. Гент узнал, к какому каравану принадлежит пагасис, кто им командует и какого старого музунгу отправился искать Стэнли. Пристыдив негра, лившего слезы раскаяния, Гент взял его с собой и, сделав два быстрых перехода, догнал Стэнли.

Надежда отыскать Ливингстона была для Гента в духе его плана, решительным толчком к действию; до сих пор считая вместе с другими знаменитого путешественника давно погибшим, он теперь стал надеяться на успех своих поисков, узнав, что на это надеется также и ряд лиц, организовавших экспедицию. Ливингстон был такой человек, какой мог стать душой всего, затеянного Гентом. Однако последний скрыл от Стэнли свой замысел, рассчитывая обнаружить его впоследствии, если бы нашел, что характер путешественника лишен зависти. Он также уменьшил размеры найденного сокровища до пределов благоразумного вероятия во избежание опасного недоверия. Стэнли был убежден, что Гент хочет передать Ливингстону значительный капитал ради дальнейших открытий и путешествий, но не подозревал более ничего.

Между тем, если бы психическая природа наша позволяла читать мысли, Стэнли не преминул бы, прочтя кое-что в уме Гента, отдать должное скромности этого человека, приютившегося незаметно в тени горы, мысленно воздвигаемой им. Будущее покажет, насколько прочно оказалось это сооружение. Но что бы то ни было – истинно великое творится только в нашей душе, остальное – результат сил, имеющих часто противоречивое направление. И тот, кто, бросаясь спасать тонущего, тонет с ним сам, не менее свят в наших глазах, чем тот, кто, спасая, прикрепляет к борту шлюпки медаль за спасение погибающих.

Почти всё заманчивое и фееричное в путешествии, подобном настоящему, есть труд и испытание нравов.

Самая поражающая действительность становится буднями: переносить их требуется больше мужества, чем в сражении.

Жизнь тропиков давно стала буднями для Гента. Поэтому он вошел в караван Стэнли без иллюзий, хорошо зная, что совместное существование людей разных рас, племен и языков, разных требований и зачастую враждебных целей богато всем сором человеческих отношений. Вдобавок люди эти были отрезаны от цивилизации и предоставлены собственным силам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.